

РЕЦЕНЗИЯ

**КАК УЛОВИТЬ НЕУЛОВИМОЕ?
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: В. В. КОЛЕСОВ, Д. В. КОЛЕСОВА,
А. А. ХАРИТОНОВ. «СЛОВАРЬ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ».
В ДВУХ ТОМАХ. СПБ.: «ЗЛАТОУСТ», 2014)**

© Александр Камчатнов

**HOW TO PERCEIVE IMPECEPTIBLE?
(REVIEW OF THE BOOK: V. V. KOLESOV, D. V. KOLESOVA,
A. A. KHARITONOV. "DICTIONARY OF RUSSIAN MENTALITY".
IN TWO VOLUMES. ST.PETERSBURG: "ZLATOUST", 2014)**

Alexander Kamchatnov

Конечной целью всякой лингвистической работы является создание одной из двух книг: грамматики или словаря. Не каждому лингвисту, как бы ни были важны его книги и статьи, удается это сделать – В. В. Колесову и его сотрудникам это удалось. Появлению словаря предшествовали длительная исследовательская работа профессора Колесова над теоретическим осмыслением того, что же представляет собой ментальность как лингвистическая категория, а также накопление языкового материала из всей глубины существования русского языка. Начало было положено книгой «Мир человека в слове Древней Руси» (Л., 1986), затем наступило некоторое затишье, во время которого шел очень сложный подземный процесс вызревания совершенно новых идей, вылившийся в колесовский *big bang*: в течение нескольких лет одна за другой стали выходить книги одна интереснее другой: «Русская речь вчера, сегодня, завтра» [Колесов, 1998], «Жизнь происходит от слова...» [Колесов, 1999], фундаментальная «Философия русского слова» [Колесов, 2002], «Слово и дело» [Колесов, 2004], «Реализм и номинализм в русской философии языка» [Колесов, 2007], «Русская ментальность в языке и тексте» [Колесов, 2006], венцом которых и стал рецензируемый словарь [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014]. Само название книг дает нам основания говорить о «феномене Колесова» как о лингвисте-мыслителе, каких было очень немного в истории отечественного языкознания.

Россия, русские, русскость, начиная по меньшей мере с князя М. М. Щербатова, всегда были предметом философской рефлексии. Что нового может сказать на эту тему лингвист?

Цель его – желание понять и объяснить коренные свойства русской духовности – ничем не отличаются от целей множества великих и не очень философов, историков и культурологов. Понять – значит выразить в понятии, но понятие – категория логическая, а не лингвистическая. Наконец, где, в каких источниках искать русскую духовность, ведь духовность – от слова *дух*, а дух, как известно, *дышит, идеже хочет*.

Хорошо осознавая эти сложности, В. В. Колесов находит собственно лингвистический подход к решению поставленной задачи, который заключается в следующем. Прежде всего нужно отграничить ментальность от того, что на нее похоже, но ею не является: от типического и характерного, от идеала, от менталитета. Благодаря такому отделению становится ясной стратегия: «Задача же состоит в определении существенно цельных признаков ментальности, своего рода *инварианта народного сознания*, как он уясняется из данных языка и рисуется на основе всех проявлений «народного духа» [Колесов, 2006, с. 17]. Или иначе: ментальность есть «способность воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, т.2, с. 531]. Чрезвычайно важным представляется разграничение понятий ментальности и менталитета, которые очень часто смешиваются. По Колесову, ментальность онтологична, она предсуществует в народном характере, воспитанном веками, и составляет его сущность, тогда как менталитет гносеологичен и представляет собой интеллектуализацию ментальности в отвлечении от нравственного чувства и воли.

У каждого народа свой инвариант, и его «ни похитить, ни подделать невозможно» [Колесов, 2006, с. 17], равно как и отделаться от него. В этом определении ментальности есть что-то роковое: мы можем мыслить, воспринимать мир так и только так, и всякие попытки мыслить иначе или заведомо обречены на провал и ничего, кроме мучений, не принесут, или грозят потерей национальной идентичности. Иначе говоря, ментальность сродни аристотелевской энтелехии – тому активному началу, которое превращает возможность в действительность, созидает историческое тело нации, выявляет себя в ходе истории.

Ментальность как синоним духовности находит свое выражение в историческом действии и слове; слово является хранителем ментальности, и это обстоятельство позволяет подойти к теме лингвистически. Слово же для автора – не звук пустой и не условный знак, а форма и образа, и понятия, и символа, исполненного бесконечным содержанием и как такового требующего истолкования; так определяется герменевтический подход к слову. Историческая взаимосвязь слова и дела требует исторической же перспективы для толкования. Живое слово существует лишь в текстах; репрезентативными для своей темы В. В. Колесов считает философские тексты: «...мы говорим о ментальности через рефлектирующую интуицию русских философов, которая основана на глубинных концептах русско-славянского слова» [Там же, с 4].

Затем необходимо найти язык описания ментальности. Этот язык В. В. Колесов находит в древнем споре реалистов, концептуалистов и номиналистов: отсюда он извлекает все термины языка описания – концепт, образ, понятие и символ. Исходным теоретическим пунктом для изучения ментальности является известный «семантический треугольник»: в отличие от многих исследователей, В. В. Колесов рассматривает его не как данность, а как заданность, когда согласованность отношений **слова**, **вещи** и **идеи** достигалась в ходе сложного исторического процесса, обусловившего те «начала», которые стали определяющими для русской ментальности: это глагольность, диалогичность, символичность русского слова, единство слова и дела (слово как «проект» дела, без которого оно пустая болтовня), предпочтение красоты – пользе, качества – количеству, живой целостности (синтетичность) – мертвой расчлененности (аналитичность), в частности, доверие к живому авторитету, а не к отвлеченной истине.

Утверждение о том, что ментальность находит свое выражение в формах родного языка, яв-

ляется слишком общим, надо еще найти ту единицу ментальности, которая и будет при помощи слова являться в формах образа, символа и понятия. Такой единицей является концепт. По Колесову, концепт следует возводить не к лат. *conceptus* ‘понятие’, а к лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’. Именно он – концептум – и есть искомая единица ментальности. «Таким образом, концептум предварительно можно определить как *минимальный квант смысла – единицу сознания, не обретающую своей формы*. Концептум – не понятие, а сущность понятия, смысл, лишенный пока формы: свернутая точка возможных смыслов» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, т.2, с. 534]. Концептум, как и всякое зерно, невидим, скрыт под землей, но, как зерно прорастает в ствол с листьями, цветами и плодами, так и концептум «прорастает» в образ, понятие и символ; языковым носителем этих форм ментальности является слово. Концептум устойчив, постоянен, неподвижен, то есть «вечен»; именно поэтому все исторически изменчивые формы его проявления в слове сохраняют единство, так как все они отнесены к одному внеисторическому концептуму. Сам концептум апофатичен, катафатическим приближением к нему являются представленные в «Словаре» исторически засвидетельствованные в текстах формы его проявления в слове – образ, символ и понятие. Апофатичностью концептума определяется интересная особенность «Словаря русской ментальности»: это не справочник, по отношению к которому читатель занимает пассивную позицию потребителя; он требует от читателя ответного творческого усилия для реконструкции концептума, предлагая ему для этого весь (или почти весь) необходимый языковой и текстовый материал. Концептум оставляет «следы» в словесной культуре народа; «Словарь» собирает и представляет эти «следы»; читатель идет по «следам» и по мере своих сил, творческих возможностей и воображения восходит к концепту как первосмыслу собственной культуры. Такими «следами», или формами проявления концептума, являются этимон слова, переносные значения слова, словообразовательные связи в пределах словообразовательного «древа», системные синонимические и антонимические отношения слова, сочетаемость слова, гиперпонимические отношения [Там же, с 537].

В развитие теории в Приложении освещаются некоторые частные проблемы: соотношение понятий концептума и внутренней формы слова, значения и смысла, синкретизма и многозначности, историческое значение тропов – метонимии, синекдохи, метафоры, иронии – в семантическом развитии слова. Из этих частных вопросов хоте-

лось бы остановиться подробнее на понятии семантической парадигмы, которую авторы словаря определяют следующим образом: «Семантическая парадигма образуется общностью *корня*, то есть сводит все однокоренные образования к единому концептуму» [Там же, с. 550]. Далее на примере слов *притькнуть* – *притьча* – *притьчина* – *причинный* – *причинность* показано, как выраженный корнем концептум являет себя в последовательных формах образа (*притькнуть*), символа (*притьча*), обособленного признака (*причинный*) и, наконец, «дозревает» до отвлеченного понятия (*причинность*). При полном согласии с этим хочется спросить: как быть с другими членами этой семантической парадигмы, то есть со словами *тыкать*, *точка*, *точность*, *ткать*, *ткань*, *сутки*, *дотошный*? Если исходить из определения, то эти слова тоже как-то выражают единый концепт, однако в тексте Словаря имеются отдельные словарные статьи **Притьча**, **Причина**, **Причинность**, **Точка**, **Точность**, **Дотошный**. Если *точка* и *притьча*, будучи этимологически однокоренными, выражают разные концептумы, то однокоренные слова *потеха* и *утеха* едва ли можно считать выразителями разных концептумов, на что указывает сходство их толкований [см. там же, с. 2, 440], тем не менее они, к нашему удивлению, образуют отдельные словарные статьи. Таким образом, выявляется внутренняя противоречивость теоретических основ Словаря: с одной стороны, если это словарь ментальности, а единицей ментальности является концептум, то каждая словарная статья должна быть посвящена отдельному концептуму; с другой стороны, если утверждается, что все однокоренные образования сводятся к единому концептуму, то они должны быть помещены в одной словарной статье, чего на деле мы не наблюдаем. Выход из этого противоречия, на мой взгляд, в том, чтобы признать, что концепты имеют внеязыковую, нелингвистическую природу, что **разные** концепты могут найти выражение в **однокоренных** словах (*причина* и *точка*) и **один** концепт – в разных словах, то есть в том, чтобы отказаться от понятия семантической парадигмы. Это понятие будет полезным в словаре другого типа – историко-словообразовательном, а не в словаре ментальности.

Нужно согласиться с авторами в том, что нельзя «поставить знак равенства между любыми единицами смысла и назвать их все концептами» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, т.1, с. 538]. В таком случае возникает естественный вопрос о принципах построения словника «Словаря», о принципах отбора слов – носителей концептов. Как видно из последнего раздела Приложения

«Семантика», из трех видов явления концептума – образа, понятия и символа, которым соответствуют три ипостаси существования слова – корень, термин и имя, предпочтение отдается именам. Корень дает лишь *образ* понимания концептума, термин истончает его до строго определенного *понятия*, тогда как имя является полным выражением национального концептума, *символически* представляющее и психологический образ, и логическое понятие и потому неисчерпаемое в толковании. Однако и среди имен не все удостоились чести попасть в Словарь, ибо «предпочтение отдавалось *концептуальным именам*, которые в общей структуре максимально вбирают в себя все содержательные формы концепта – образ, понятие и символ – и тем самым приближаются к выражению самого концептума» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, т.2, с. 547]. На этом основании в Словарь не включены глагол *водить* (образ), причастие *водящий* (понятие), но внесены имена *вождь* и *вожак*. Таким образом, «Словарь русской ментальности» не является ни русским корнесловом, ни словарем отвлеченных понятий; это – словарь концептуальных имен.

Как же решить, какое имя концептуальное, а какое – нет? Например, после слова *кровь* следует слово *кротость*. В толковом словаре русского языка между ними (исключая заимствованные лексемы) находятся такие имена существительные, как *крой*, *кройка*, *крома*, *кропанье*, *кропило*, *кропотливость*, *крот* и их производные; между *ложь* и *ломка* – такие имена, как *лоза*, *локоть*, *лом* и их производные. На память приходят и кромешный ад, и крот как символ слепоты (у Чехова в «Дуэли»), и лоза как символ Христа (в евангелии), и выражение *чувство локтя*. Это все не имеет отношения к русской ментальности? Или выражаемые ими концептумы имеют еще какое-то другое выражение, нашедшее отражение в «Словаре»? И вообще: надо ли полагать, что «Словарь» отражает **все** концептумы русской ментальности? Является ли список концептумов принципиально открытым или закрытым?

Нет достаточного объяснения тому, на каком основании в словарь *русской* ментальности одни заимствованные слова включены (*ад*, *ангел*, *балаган*, *баня*, *буква*, *варварство*, *витязь*, *деньги*, *дьявол*, *идея*, *изба*, *икона*, *кавардак*, *кумир*, *София*, *тюрьма*, *хам*, *шабаш*, *ярлык*) а другие – нет. Хотя в «Предисловии» сказано, что «слова, которые сегодня осознаются как заимствованные, за редкими изъятиями из Словаря исключены, хотя и они пронизаны воздействием русской ментальности, пропитаны „русским духом“» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, т.1, с. 3], этого недос-

таточно для понимания причины того, почему приведенные выше в скобках слова оказались на особом положении.

При просмотре словника обращает на себя внимание его неоднородность: с одной стороны, это такие «вкусные», пропитанные истинно русским духом слова, как *баба*, *болван*, *блажь*, *буйство*, *восторг*, *дотошный*, *жалость*, *жопа*, *занибрата*, *изгой*, *истошный*, *кузька*, *лохмотья*, *мещанство*, *навет*, *отвага*, *подвиг*, *потачка*, *потеха*, *удаль*, *угрюмство*, *хапуга* и многие другие; их «русскость», их непереводаемость, их принадлежность к русскому способу мыслить мир не вызывает сомнений. С другой стороны, это слова типа *влияние* (= лат. *influxio*), *время* (= лат. *tempus*), *голод* (= франц. *faim*), *причинность* (= англ. *causality*) и другие подобные. Понятно, что авторы хотели показать, как концептум «дорастает» до понятия, как слово становится термином, выражающим общечеловеческие категории разума, однако какое это имеет отношение к **русской** ментальности? Может быть, стоило *причину* и *причинность* совместить в одной словарной статье? Во всяком случае, соотношение «родного» и «вселенского» в Словаре надо было как-то оговорить.

Изложенные принципы нашли свое выражение в структуре словарных статей и в самом их содержании.

Что касается структуры, то в ней представлены: а) концептуальное значение заголовочного слова, б) этимология слова, в) постоянные эпитеты слова, г) метонимические смещения и метафорические замещения слова в современном употреблении, д) иллюстративный материал, е) замечания авторов о развитии концептума, когда прочих материалов недостаточно. В совокупности это те самые «следы» концептума в словесной культуре народа, о которых говорилось выше; собранные вместе под одним заголовочным словом они дают читателю достаточный материал для восхождения к концепту. Авторы подчеркивают, что воссоздание концептума «ведется как составителями словаря на основе классических текстов, так и творческим усилием читателя; объемность представления и его глубина прежде всего зависят от работы языкового сознания пользователя» [Там же, с. 14]. Только на таком синергичном пути возможно приобрести новое знание.

Чтение словарных статей убеждает в том, что жизнь во всех ее проявлениях – личная, общественная, государственная, историческая – движется противоречиями, оттого и ментальность народа антиномична. Поэтому авторы уделяют большое место анализу тех исторических обстоя-

тельств и феноменов, которые обусловили своеобразие антиномичной русской ментальности: это государство и общество, народ и государство, язычество и христианство, нация и государство, общество и личность, город и деревня, культура и цивилизация и др. При этом авторы не идеологи, отрицающие одну часть антиномии ради утверждения ценности другой. С идеологической точки зрения «Словарь русской ментальности» кажется рыхлым и противоречивым; читатель, ждущий идеологической определенности, будет разочарован. «Словарь» построен не по идеологическим, а по лингвистическим законам, основу которых составляет семантический треугольник. Для номиналиста существует только связь слова и вещи, тогда как для реалиста, каковым является В. Колесов, связь тройная – это связь слова, вещи и идеи, и только с позиций реализма становится понятной видимая противоречивость русской ментальности. Так, государство как **вещь** может вызывать у русского человека резкую неприязнь вплоть до анархизма и разрушительного бунта; но государство как **идея** пробуждает в русском человеке государственный инстинкт, понуждавший его защищать государство не щадя живота и раздвигать его пределы до двух океанов (см. статью **Государство**). Так, и отношение к Церкви как **вещи** может доходить до кощунственного непотребства, а отношение к Ней же как **идее** порождает благочестие, нередко доходящее до пределов жертвенности (см. статьи **Вера**, **Кощунство**, **Святость**). И если кому-то непонятно, как один и тот же народ мог защищать советское государство в последнюю войну и с упоением разрушать его в недавние 90-е годы, пусть почитает «Словарь русской ментальности» и тогда поймет, что защищали *идею*, каким бы отвратительным ни было ее воплощение, а разрушали малопривлекательную *вещь*.

Справедливость словарного анализа подкрепляется обильно цитируемыми текстами русских мыслителей, в которых находят выражение обе части антиномии: государственный и анархизм, благочестие и атеизм, национализм и универсализм, тоталитаризм и либерализм, западничество и славянофильство и т. д. Сама же антиномичность русской ментальности, по утверждению Колесова, имеет своим началом русский язык и языковой реализм, со времен средневековья утвердившийся у нас в противоположность западному номинализму.

Нет смысла пересказывать отдельные словарные статьи, даже недостатки которых могут обернуться для читателя пользой, так как в споре с авторами словаря также может родиться новое знание, в чем, собственно, и заключается их,

авторов, цель. Но есть смысл сделать одно предупреждение: не стоит приобретать Словарь для того, чтобы поставить его на полку рядом с другими словарями, энциклопедиями и справочниками, к которым мы обращаемся по мере необходимости. «Словарь русской ментальности» – это не справочник, а книга для чтения – вдумчивого, медленного, сопровождаемого медитациями на основе собственного культурно-языкового опыта. Тем же, кто профессионально занимается исследованием духовной культуры русского народа – философам, этнографам, историкам, литературоведам, лингвистам – Словарь послужит ценнейшим источником как разнообразных сведений, так и творческого вдохновения.

Василий Розанов однажды заметил, что хорошо бы отдать Россию немцам: они завели бы у нас фабрики, биржи, а мы научили бы их играть на балалайке и даже попытались бы объяснить, что такое душа. «Словарь русской ментальности» – это и есть попытка объяснить, что такое русская душа, объяснить прежде всего нам самим, а потом уже и всем, кто этого пожелает.

Список литературы

Колесов В. В. Русская речь: вчера, сегодня, завтра. СПб.: ЮНА, 1998. 248 с.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 702 с.

Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. М.: Логос, 2007. 382 с.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.1. А – О. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.

Колесов В.В. Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.2. П–Я СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.

References

Kolesov V. V. (1998). *Russkaia rech': vchera, segodnia, zavtra* [Russian Speech: Yesterday, Today, Tomorrow]. 248 p. St.Petersburg, IuNA. (In Russian)

Kolesov V. V. (1999). «*Zhizn' proiskhodit ot slova...*» [Life Comes from the Word]. 368 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

Kolesov V. V. (2002). *Filosofia russkogo slova* [Philosophy of the Russian Word]. 448 p. St. Petersburg, IuNA. (In Russian)

Kolesov V. V. (2004). *Slovo i delo: iz istorii russkikh slov* [Word and Deed: from the History of Russian Words]. 702 p. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU. (In Russian)

Kolesov V. V. (2007). *Realizm i nominalizm v russkoi filosofii iazyka* [Realism and Nominalism in the Russian Philosophy of Language]. 382 p. Moscow, Logos. (In Russian)

Kolesov V. V. (2006). *Russkaia mental'nost' v iazyke i tekste* [Russian Mentality in Language and Text]. 624 p. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian)

Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. V 2.t. T.1. A – O. 592 p. St.Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. V 2 t. T.2. P–Ja. 592 p. St. Petersburg, Zlatous. (In Russian)

The article was submitted on 19.01.2017

Поступила в редакцию 19.01.2017

Камчатнов Александр Михайлович,
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой русского языка
и стилистики Литературного института
им. А. М. Горького,
123104, Россия, Москва,
Тверской бульвар, 25.
alexmk52@gmail.com

Kamchatnov Alexander Mikhailovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of the Chair of Russian Language
and Stylistics in A. M. Gorky
Institute of World Literature,
25 Tverskoy Bulvar,
Moscow, 123104, Russian Federation.
alexmk52@gmail.com